

К 84

К 78

ВЛАДИСЛАВ

КРАПИВИН

БАРКЕН-
ТИНА
СИМЕ-
НЕМ
ЗВЕЗДЫ

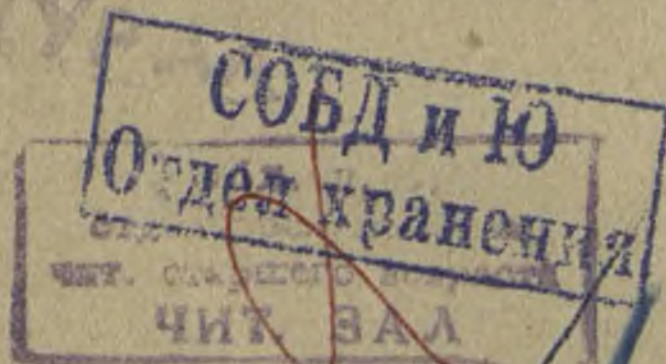

82

260931

В. Афан

20

ԿՐԱՆ

ВЛАДИСЛАВ
КРАПИВИН

К84
К78

260931

БАРКЕНТИНА
СИМЕНЕМ ЗВЕЗДЫ

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1972Г.

ОБЛАСТНАЯ ДЕУСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
в Свердловске

Художник *О. Коровин*

БАРКЕНТИНА С ИМЕНЕМ ЗВЕЗДЫ

Баркентина, иначе называемая шхуна-барк,— большое морское парусное судно, имеющее не менее трех мачт... Фок-мачта всегда вооружена только прямыми парусами, а все остальные мачты — сухие, т. е. несут лишь косые паруса.

*Краткий морской словарь
для юношества*

— А все же этот парень держит судно в руках,— сказал самый старший матрос...

Ф. Купер. Красный корсар

ДАМБА

Ж

ил-был Мальчик. Очень обыкновенный. Светлоглазый и чуть веснушчатый. Он жил

в новом городе, в новом доме и ходил в новую школу.

В комнате Мальчика на стене висела синяя Карта Всех Морей и Океанов. А на письменном столике, рядом с пластмассовым стаканом для карандашей, стоял кораблик из коричневой сосновой коры, с бумажными парусами.

Отец и мать были довольны картой. Считали, что она помогает Мальчику лучше изучать Природоведение. А на кораблик они не обращали внимания.

Потом родители Мальчика переехали в другой город. И Мальчик, разумеется, переехал. Карту он привез с собой, а кораблик сломался по дороге, и его незаметно выбросили.

Город, где они стали жить, был совсем непохожим на прежний. Он был старинный. Там встречались такие узкие улицы, что Мальчик даже без разбега перепрыгивал с тротуара на тротуар. С домов смотрели на прохожих каменные львиные морды, а у тяжелых ворот поскрипывали на ветру железные фонари.

А у маленькой кирпичной крепости лежали вросшие в землю чугунные пушки.

Узкие улицы разбегались от крепости и выходили к Широкой реке. Там у причалов стояли суда. Рыбацкие — с растянутыми для просушки сетями, грузовые — с черными бортами, белыми надстройками и разноцветными трубами, пассажирские — совсем белые. Плескались флаги и бегали неутомимые буксиры.

Корабли приходили с моря. Море лежало в нескольких милях от города. Его не было видно, и все-таки оно чувствовалось за треугольными крышами и высокими острыми башнями.

На крышах и башнях стояли флюгера. Это были узорчатые флаги, рыцари на конях, трубачи, парусные корабли и крылатые звери. Под некоторыми флюгерами находились перекрещенные стрелы — они смотрели в четыре стороны.

Когда начинался ветер, всадники, корабли, трубачи и звери со скрежетом поворачивались ему навстречу, а стрелы оставались неподвижными. На их наконечниках чернели жестяные буквы N, S, W, O.

Мальчик понимал, что они означают страны света: норд, зюйд, вест и ост. Это были морские названия. Моряки не говорят «дует ветер с северо-запада». Они говорят «дует норд-вест».

Норд-весты дули чаще других ветров. Они приносили влажную прохладу, серые облака и запах водорослей. Взрослые ворчали и обижались на сырую погоду.

Мальчик не обижался.

В ветре было Дыхание Атлантики.

— Папа,— сказал Мальчик за ужином,— дай мне рубль и пятьдесят копеек... пожалуйста. Я куплю словарь.

— Что за сумасшедшие цены! — сказала мама.— Я спрошу в школе, почему такие дорогие учебники.

— Это не учебник,— сказал Мальчик и стал качать ногой под столом.— Это так... Морской словарь.

— Не болтай ногами,— велела мама.— Что еще за новости — «Морской словарь»? Ты бы лучше вспомнил, что через месяц в школу, а у тебя нет «Английского языка» для пятого класса.

Днем у нее на работе были Неприятности, а сейчас Плохое Настроение.

— Зачем же тебе морской словарь? — спросил отец.

— Так просто...— неловко ответил Мальчик, но тут же подумал, что лучше отвечать прямо.— Я буду Моряком Дальнего Плавания.

— Не царапай вилкой скатерть,— сказала мама.— Моряком Дальнего Плавания! Этого еще не хватало.

— Ну хорошо, хорошо,— торопливо сказал отец.— Я подумаю. Может быть. После зарплаты.

Он знал, что почти половина мальчиков хочет стать Моряком Дальнего Плавания и никто из них не собирается быть зубным врачом, бухгалтером или управдомом.

Но отец не знал о другом. О том, что его Мальчик по темному силуэту на светлой воде уже легко отличал сухогрузное судно от рефрижератора, что купленные для школы тетради он изрисовал схемами барков и фрегатов и на каждом из рисунков мог с точностью показать, где какой стоит парус, и сказать, как он называется. Он никогда не спутал бы адмиралтейский якорь с якорем Холла. В углу за диваном он хранил звено якорной цепи, которое подобрал на пирсе и отчистил от ржавчины. Это было могучее железное кольцо весом в добрый десяток килограммов. В кольце была перемычка. Они делаются для того, чтобы цепь не перекручивалась и не запутывалась.

Многие мальчики мечтают о капитанских мостиках и дальних морских походах. Но многие ли смогут ответить, как называется перемычка в звене якорной цепи? Между прочим, называется она «контрфорс».

Мальчик полюбил продутый морскими ветрами город. А в городе больше всех мест ему нравилась Старая га-

вань. Южная улица, где жил Мальчик, выходила прямо к гавани, и от калитки до берега добежать можно было за четыре минуты.

Обычно гавань пустовала. Лишь иногда здесь отстаивались перед ремонтом рыбацкие сейнеры, которые вернулись из бурной Атлантики. Они отдыхали, прижавшись обшарпанными бортами к деревянным сваям причала. Причал зарос тонкой травой и мелкими ромашками.

В гавани росли кувшинки. Их цветы были похожи на солнечные шарики, рассыпанные по темной воде, а стебли уходили в зеленоватую глубину. На листьях кувшинок иногда сидели любопытные лягушки и разглядывали берег.

Большая дамба отделяла гавань от широкой реки. Она была похожа на длинную букву «г». Коротким концом дамба примыкала к берегу.

Построили ее в очень давние годы. Сначала в дно реки вбили деревянные сваи — плотно друг к дружке, в два ряда, потом навалили между этими рядами булыжник и насыпали щебень — вровень с верхними срезами свай. И получилась могучая подводная стена. Только самая кромка ее поднималась над водой. Это была защита от волн.

Правда, волны часто перекатывались через дамбу, но тратили на это много сил и в гавани сразу успокаивались.

Сваи потемнели от воды, позеленели и набухли. Сердцевина у многих прогнила, и кое-где на срезах, как в цветочных горшках, вырастали кустики травы. К августу они становились густыми и высокими.

Начало августа было солнечным и теплым. Здешний край, прославленный туманами и пасмурным небом, словно хотел показать Мальчику, что умеет быть ласковым к тем, кто его полюбит.

Каждый день Мальчик приходил на дамбу. Он садился на краешек, ставил рядом с собой сандалии и свешивал в воду ноги.

Вода была бархатистая и теплая. Просвеченная зеленоватыми лучами. Коричневые мальчишечьи ноги становились в ней какими-то бледными и ненастоящими, словно их хозяин всю жизнь проходил в длинных штанах и не знал, что такое загар. На незаметных волосинках расса-

живались крошечные пузырьки. Мальчику начинало казаться, что он постепенно вырастает в речной мир и превращается в подводного принца или русалкиного сына. Чтобы не превратиться совсем, он бултыхал ногами, и любопытные мальки, собравшиеся поглазеть на мальчишку, перепуганно разлетались кто куда.

Потом эти мальки осторожно собирались опять. Они были чуткие и верткие, словно стрелки компаса.

Из больших рыб мальчик видел только одного и того же окуня. Окунь был толстый, полосатый и неприятный. Он всегда сидел в кусте водорослей, шевелил плавниками и будто прислушивался. Мальчику он казался похожим на бывшего соседа — ребячьего врага и склочника. (Это было в том городе, где Мальчик жил раньше. Все ребята звали того соседа Перехватчиком.) Мальчик, между прочим, был прав: окунь Пантелей Осьминогович действительно был склочник и сплетник. Он собирал все неприятные новости и разносил их среди рыбьей общности.

Рассердившись на окуня, Мальчик запрокидывал голову и смотрел на чайки. Среди них были знакомые. Иногда на бреющем полете они проносились над Мальчиком — наверно, здоровались. Но вообще-то им было некогда. Чайки деловито и суетливо добывали корм. Они охотились за рыбами-простофилями, подбирали хлебные корки, выброшенные с проходившего буксира. А еще они провожали в залив уходящие корабли. Это была их постоянная работа.

Мальчик тоже провожал корабли — сухогрузы, плывущие в Африку и на Кубу, сверкающие лайнеры с веселыми туристами и отважные траулеры, уходящие на полгода в открытый океан. Он шепотом говорил им «до свиданья». И, хотите верьте, хотите нет, многие корабли откликались ему коротким гудком.

Конечно, Мальчик завидовал тем, кто уходил в море. Но не очень. Он знал, что время его придет. А пока здесь, на дамбе, он впитывал в себя морской ветер и слушал музыку корабельных будней: грохот якорных цепей, разносящиеся из мегафонов команды, строгие голоса диспетчеров, озорную переключку рыбацких экипажей и сирены катеров.

Всей душой он жил здесь, у слияния реки и моря, среди чайки и кораблей. И ничто не могло уже вырвать его из этой жизни.

Иногда Мальчик сидел на дамбе до самого вечера. Розовое солнце скатывалось за башни. Над мачтами, среди светлых тучек, разгоралась не спеша яркая капелька-звезда.

В кувшинках начинали голосить лягушки. Чайки уже не суетились над водой, а летали плавно и широко: сразу было понятно, что теперь у них не работа, а гулянье.

Реже звучали металлические команды диспетчеров. На сейнерах начинали звенеть гитары.

Мальчик знал, что скоро идти домой, и оставшиеся минуты были для него особенно хороши...

Потом он шагал к дому по улице, плотно заросшей тополями. Здесь уже висели сумерки, хотя небо оставалось светлым. Встречные мальчишки-велосипедисты включали фонарики, и похоже было, что среди деревьев носятся большие жуки-светляки.

Дома ему попадало от матери. Она говорила слова, которые говорят в таких случаях все мамы:

— Где ты пропадал целый день? Ты меня сведешь в могилу!

— На реке,— отвечал Мальчик.

— С ума можно сойти! А если ты утонешь?

— Зачем? — удивлялся Мальчик.

— Что за глупый вопрос! Люди тонут ни за чем.

— Я не утону,— успокаивал Мальчик.— Я же хорошо плаваю. Да я и не купаюсь почти. Просто сижу и смотрю.

— Что там смотреть целый день? Лучше бы уж ты, как все мальчишки, играл в этот ужасный футбол, обдирали колени, лазил по деревьям и получал синяки... Я хотя бы знала тогда, что ты не один. А ты живешь без товарищей.

Тогда папа брал ее за плечи и негромко уговаривал:

— Ну перестань. Придет время — будут товарищи. Их же не выписывают по рецепту, как в аптеке. Пусть он живет, как хочет.

— Но у него совершенно нет друзей! — сокрушалась мама.

Однако она ошибалась.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧИП

Один раз вечером, когда Мальчик сидел на дамбе, что-то мокрое и живое шлепнулось ему на колено. Конечно,

Мальчик вздрогнул. Он даже качнулся назад от испуга. Но бояться-то было нечего.

На колене у него сидел зеленый лягушонок. Сидел и улыбался большим веселым ртом.

— Ха-ха! — отчетливо сказал лягушонок. — Ты испугался? Ты пер-ре-пугался!

Не будем говорить, что Мальчик удивился. И не будем удивляться сами. Ведь история эта почти сказочная, хотя в общем-то совершенно правдивая. Разумеется, Мальчик вначале изумленно заморгал и даже шепотом сказал: «Вот так штука», но тут же его встревожила другая мысль: как бы этот незванный гость вправду не подумал, что Мальчик боится.

— Чего это я буду перепугиваться, — возразил Мальчик и пожал плечами. — Ты же не тигр и не змея, и не... ихтиозавр какой-нибудь.

— Конечно! — весело согласился лягушонок. — Не тигр. — И добавил с чуть заметной грустинкой: — Я просто маленькая лягушка... Между прочим, меня зовут Чип.

Он оказался размером с наперсток (если не считать длинных задних лапок), с желтовато-серым брюшком и зеленой, как свежий тополиный листок, спинкой. Выпуклые глазки блестели, словно черные стеклянные дробинки. А широкий рот был озорным, как у первоклассника, который готов смеяться даже на уроке арифметики.

— Откуда ты взялся? — спросил Мальчик. — Шлепнулся прямо как с неба. Я даже не ожидал.

Чип вытянул к воде крошечную переднюю лапку.

— Вот от-туда. Там у меня ква-рр-тира.

Голосок у него был тонкий, и слова он произносил старательно, как малыш, который недавно научился говорить букву «р». И не было в его речи лягушачьего кваканья. Лишь в слове «квартира» Чип едва заметно приквакнул, но это ведь вполне простительно.

— Я тебе не мешаю? — вдруг забеспокоился Чип и шевельнулся на колене у Мальчика. — Я немножко мо-крый.

— Сиди, сиди, — торопливо сказал Мальчик. — Я же не сахарный... А как ты научился говорить?

— П-понемножку. Я вылезал на берег и смотрел, как игр-рают мальчики. И слушал. Я часто на них смотре-рел, когда мне было гр-рустно...

— А почему тебе было грустно? — осторожно спросил Мальчик.

— Н-ну... Это бывает. Я тебе потом р-расскажу... Если мы по-др-ружимся,— сказал Чип. И добавил совсем тихо: — Если ты хочешь.

— Конечно, хочу! — сказал Мальчик.

И они правда подружились.

Им было хорошо вдвоем.

Они вместе купались. Они скакали наперегонки по дамбе, и надо сказать, что Мальчик не всегда оказывался впереди. Он, когда прыгал, опасался свалиться в воду, а Чип ничего не боялся и летал, как зеленая пуля.

Но особенно любили они разговаривать. Начиналось это так: Чип усаживался на колене у Мальчика и вежливо говорил:

— Можно, я задам вопр-рос?

Он задавал разные «вопр-росы». И, приоткрыв широкий рот, слушал рассказы про города, про человечью жизнь, про хоккей, про марки, про кино «Неуловимые мстители» и сложную науку арифметику.

Один раз он спросил:

— Ты очень удивился, что я говор-рящий?

— Да нет, не очень,— сказал Мальчик.— Бывают ведь говорящие птицы. Скворцы, галки, попугаи. Почему же лягушонок не может? Я удивился знаешь когда? Когда увидел, что ты умный. Попугай, например, может целую речь сказать, а все равно дурак. А ты... ты прямо как человек.

— Пр-равда? — обрадовался Чип.

— Конечно... Наверно, в воде звери умней, чем на суше получают. Я читал про дельфинов, которые даже с учеными разговаривают.

Чип осторожно спросил:

— А про говорящих лягушек ты не читал?

— Ну, про лягушек только так... Про царевну-лягушку, про всяких принцев, которые сперва лягушатами были... Про лягушку-путешественницу.

Чип вздохнул, надув брюшко:

— Это мы пр-роходили... Принцы и царевны. Они потом пр-ревращались в человекoв. Это хорошо, но это сказки.

— Проходили? — удивился Мальчик.— У вас есть школа?

— А как же! Надо же учиться, как себя вести. Чтобы

тебя не слопала щука или не унесла чайка. А еще есть класс хорошего пения, только я туда не хожу...

Он помолчал и вдруг добавил:

— А лягушка-путешественница — ду-р-ра.

Мальчик не спорил. Ему почему-то стало жаль Чипа.

— Зачем она разор-ралась, когда утки несли ее по воздуху? — сердито спросил Чип. — Сама виновата, что свалилась в болото. Я бы ни за что не крикнул, хоть и говорящий.

Чип еще помолчал и добавил голосом первоклассника, который долго плакал и наконец успокоился:

— Ведь она могла попасть в Южные моря...

Мальчик почувствовал, как часто бьется крошечное сердечко лягушонка.

— А тебе хочется в Южные моря? — не то спросил, не то просто сказал он Чипу.

Чип снова вздохнул.

— Там Аф-р-рика, — шепотом проговорил он. — Там пр-приключения. Кор-ралловые острова. И там тепло. Там не надо спать зимой. У нас все лягушки спят зимой, а я не люблю. Мне даже во сне холодно, хотя я и пр-приспосабливаюсь.

— У тебя, Чип, слишком горячая, не лягушачья кровь, — задумчиво сказал Мальчик.

СЧИТАЛКА

Они сидели допоздна. Яркая звезда — та самая, что загоралась раньше других, — уже давно светила над мачтами.

Мальчик любил эту звезду и знал ее певучее название. Он слышал где-то, что у каждого моряка должна быть своя звезда, и выбрал себе эту. Она была теплая и ясная, как маленькое солнышко.

Оказалось, что Чип тоже любит ее.

— Когда я смотрю на эту звезду, я совсем забываю, что я лягушонок, — сказал однажды Чип. — Мне кажется, что ничего не надо бояться. Мне даже кажется, что я увижу Южные моря, если очень захочу... А потом, когда звезды нет, я сразу вспоминаю, что я маленький смешной Чип, — закончил он и коротко вздохнул несколько раз подряд.

— Но ты совсем не смешной! — возразил Мальчик. —

Ты красивый. Ловкий такой и быстрый. И ты смелый. Ну, маленький, конечно... А что здесь такого? Вот бегемот, например, большой, а какой от этого толк? Лежит в своем болоте или в реке и хрюкает, как свинья, от удовольствия. И ничего ему не хочется.

— А чего же ему хотеть? — удивился Чип. — Он и так живет в Африке, где пальмы, джунгли, львы и приключения.

— Ну какие там приключения у бегемота! Ему лишь бы брюхо набить. А пальмы для него все равно, что для нас эти тополя на берегу.

— А ему... не хочется увидеть эти тополя? — недоверчиво спросил Чип. — Ведь нам-то очень надо увидеть пальмы.

— Нет. Ему только хочется быть сытым. Вот и все.

— Такой большой и такой дурак, — сказал Чип с грустным недоумением.

— А ты думал, среди больших не бывает дураков?

Чип не ответил. Он опять неподвижно смотрел на звезду, и она отражалась в его глазах золотыми точками.

Эта звезда была громадным огнедышащим шаром, чужим неизученным солнцем, которое висело в далекой от нашего Солнца черной пустоте. Может быть, вокруг этого ослепительного шара летали голубые и зеленые свои шарики-планеты. И, может быть, на них жили и мечтали о дальних морях свои Мальчики и лягушата. И жили бегемоты. Но это ничего не значило. Здесь, на Земле, дальняя звезда была нужна двум друзьям и потому принадлежала им.

— Когда я сделаюсь капитаном, — сказал Мальчик, — я попрошу, чтобы мой корабль назвали так же, как эту звезду.

Чип снова сидел неподвижно. Только смотрел уже не на звезду, а просто так.

— Что же ты молчишь? — с легкой тревогой спросил Мальчик. — Я с тобой говорю, а ты не отвечаешь. Будто ты и не говорящий.

— Потому что мне грустно, — сказал Чип. — Ты станешь капитаном, и тебе хорошо. А я превращусь в обыкновенную большую лягушку.

— И ничего подобного! — решительно возразил Мальчик и так бултыхнул в воде ногами, что старый полосатый сплетник Пантелей Осьминогович, который подслушивал разговор, тут же скончался от разрыва плавательного пузыря и всплыл кверху брюхом. Его немедленно унесла чайка.

— Ничего подобного! — повторил Мальчик. — Говорящий лягушонок не может превратиться в обыкновенную лягушку. Так не бывает! И, кроме того, я тебя не брошу. Как только я стану капитаном или сначала даже самым младшим моряком, я возьму тебя в плавание.

Чип подскочил, как зеленая пробка, и шлепнулся животом.

— Как? — спросил он, и от удивления у него получилось: «Квак»?

— А вот так. Слушай...

Мальчик придумал это лишь сейчас, но говорил, словно все решил давно:

— Ты будешь жить в моей каюте. В таком стеклянном ящике. Там будет разная трава, и вода, и маленькие кочки. Это называется террариум. А когда мы приплывем в Южные Страны, я тебя отнесу на берег. И ты увидишь там все, что хочешь. Там такие громадные цветы, что в каждом ты можешь устроить целый дом. И можешь путешествовать по джунглям и зарослям, и будут у тебя такие приключения, которые здесь никому и не снились. Только смотри, чтобы тебя не слопала какая-нибудь африканская цапля... А то я приплыву, а тебя нет...

— А ты приплывешь? — обрадовался Чип.

— Конечно. Ты ведь, наверно, соскучишься когда-нибудь.

— Наверно... — сказал говорящий лягушонок Чип.

Мальчик понимал, что давно пора домой.

— Пойду, — сказал он наконец. — Наверно, будет нахлобучка.

— Выдер-рут? — с беспокойством спросил Чип.

— Ну, что ты! Просто будут говорить всякие скучные слова.

Лягушонок посмотрел на небо.

— Вон светлая тучка. Вон звезда. Ты скажи волшебную считалку, и все будет пр-ре-красно.

— Какую считалку? — удивился Мальчик.

Тогда удивился и Чип:

— Ты не знаешь? Я думал, все мальчики знают эти волшебные слова. Я их подслушал на земле, когда ребята играли в пр-рятки. Вот какие:

Тучка — светлый парашют,
Очень я тебя п-р-рошу:
Разгони мою беду,
Позови мою звезду.
Пусть она, как светлый лазер,
Луч пошлет на землю сразу.
Пусть дрожат мои враги.
Кто не верит мне — беги!

Чип, видимо, гордился, что выучил эти стихи.

— Никогда не слышал,— сказал Мальчик.— Ну, все равно. Это же обыкновенная считалка. Что в ней волшебного?

— Нет, не все р-равно,— возразил Чип.— Один р-раз был случай. Маленький мальчик хотел спрятаться и не успел. Его уже почти нашли, а он взял и сказал эту считалку. И стал пр-росто совсем невидимка.

— Показалось тебе,— сказал Мальчик.— Не может этого быть.

— А говорящие лягушонки могут быть? — обидчиво спросил Чип. От досады он даже стал ошибаться в словах.— Ты думал, что не могут, а я есть.

— Ладно,— сказал Мальчик.— Я попробую. Только... там говорится: «Пусть дрожат мои враги»... Мне ведь от мамы попадет, а разве она враг? Она ведь за меня же беспокоится.

— Мама, конечно, хор-рошая,— объяснил Чип.— А враги — это непр-приятности, которые тебя ждут. Пр-ротив них и нужны волшебные слова.

— Я попробую,— повторил Мальчик.

И попробовал. Пока бежал к дому, прошептал считалку. И знаете, что потом было?

— Ну, наконец-то,— сказала мама.— Я уже начала волноваться. Беги умойся, а я разогрею ужин.

Вот и все. Согласитесь, что это чудо, не меньше, чем говорящий лягушонок.

БАРКЕНТИНА

— Слушай, какая новость! — возбужденно встретил Мальчика Чип.— Корабль с таким именем, как у нашей

звезды, уже есть! Скоро его приведут сюда. Я узнал от чаек. Они кр-ричали об этом.

Было яркое утро, и солнце сверкало на мокрой спинке Чипа. Он весь светился, как зеленая лампочка. Только лампочки не прыгают, как сумасшедшие, и уж, конечно, не разговаривают. А Чип никак не мог успокоиться.

— Ну что ты скачешь,— сказал Мальчик.— Уймись.

— Это потому, что я пер-реживаю,— ответил Чип.— А что, если чайки ошиблись? Вдруг он не пр-ридет, этот корабль?

— Ну не придет и не надо,— сказал Мальчик, чтобы успокоить Чипа. А на самом деле тоже слегка заволновался. Хотелось посмотреть на судно с таким хорошим названием.

А Чип возмутился:

— Как это «не надо»?! Ведь он же не пр-ростой! Он пар-русный!

И у Мальчика застучало сердце.

Ведь никогда-никогда он не видел настоящих белокрылых парусников. Многие успел он здесь увидеть и многие полюбил, но, как и раньше, при слове «корабль» представлялся ему стремительный клипер с белыми грудями четырехугольных парусов или шхуна, косо летящая над волнами¹.

И в тетрадке своей рисовал он не лайнеры, а бриги и фрегаты. А перед сном шептал в постели названия парусов.

Лишь бы не ошиблись чайки!

Но чайки кричали правду.

Еще до полудня вдали над береговыми крышами показались верхушки мачт, а потом из-за поворота вышел парусник.

Правда, он был без парусов. Его тянул незаметный буксирчик. Но в корпусе и мачтах, в гибкой линии форштевня и бушприта была такая стройность, такая легкость, что сразу все видели: судно это рождено для ветра.

Первая мачта была перечеркнута тонкими реями — перекладами для прямых парусов. От второй и третьей протянулись над палубой длинные гики. Здесь ставились косые, как у шхуны, паруса.

¹ Строго говоря, кораблем принято называть лишь фрегат. У него не меньше трех мачт, и на всех — прямые паруса. А остальные парусники — бриги, шхуны, бригантины, барки и баркентины — называют просто судами. Но не будем слишком придирчивы к Мальчику.

— Шхуна-барк,— шепотом сказал Мальчик.— Трехмачтовая баркентина. Я такие только в кино видел.

— Какая красавица,— сказал Чип.

Буксирчик суетился и старательно натягивал длинный трос. Слишком неуклюжим и маленьким было это суденышко по сравнению с парусником. И поэтому казалось, что баркентина движется сама по себе. А под ней, чуть вздрагивая, плыло отражение: белый корпус с черными буквами названия, зыбкие желтые мачты и стеньги, опрокинутые в глубину. После беспокойного моря, где лишь пена да отблески на волнах, баркентина не спеша любовалась на себя в гладкой воде. Так, по крайней мере, думал Мальчик.

У штурвала стоял моряк в полосатой фуфайке. Широкоплечий и сутулый. Больше никого на палубе не было.

Буксир завел баркентину в гавань, к береговому причалу напротив дамбы. И сразу все изменилось вокруг. Парусник стал главным. Мачты в тонкой паутине такелажы вознеслись над острыми крышами, над тополями, над старой церковью, поднимавшейся в глубине квартала. Берег притих от удивления. Чайки перестали шуметь и совершали над баркентиной неторопливый торжественный облет.

Вы, конечно, догадались, что больше всего сейчас хотелось Мальчику: оказаться там, на палубе. Так хотелось, что он даже забыл про Чипа.

Но что он мог сделать? Пойти к трапу и попроситься в гости? Никогда он не решился бы на это: не тот характер. Ждать случая? Или чуда?

Стоял яркий день, и не было, конечно, в высоте ни тучки, ни звезды. Но, сам того не заметив, Мальчик начал шептать:

Тучка — светлый парашют,
Очень я тебя прошу...

На палубе показался человек. Тот, который стоял недавно у штурвала. Он перебросил через фальшборт ведро на веревке и нагнулся, стараясь зачерпнуть воду.

— ...Позови мою звезду...— шепотом сказал Мальчик.

Веревка выскользнула из рук моряка. Мальчик пружинисто встал. Моряк, перегнувшись через планшир, видимо, поминал морских чертей и ведьм. Потом он исчез и тут же вернулся с багром. Но ведро успело отплыть от борта, а багор был короткий, и моряк не мог дотянуться.

— Подождите! Я сейчас достану! — крикнул Мальчик. И раскинул руки, чтобы ласточкой прыгнуть в воду.

— А я?! — завопил забытый Чип. — Это пр-ре-д-ательство!

— Что ты, я же только примеряюсь, как прыгнуть, — торопливо сказал Мальчик. Ему было очень неловко. — Лезь ко мне в карман, поплывем вместе.

Он оттянул нагрудный кармашек на рубашке и посадил Чипа.

— Не задохнешься?

— Как-нибудь пр-родержусь, — ответил Чип все еще слегка сердито.

Мальчик скользнул в воду. До баркентины было метров восемьдесят. Он плыл среди кувшинок и все боялся, что моряк не станет ждать, а найдет багор подлиннее. Но тот ждал.

Белый борт парусника вырос, навис над мальчиком. Белый почти весь, только внизу, ниже ватерлинии — зеленый. «Может быть, здесь, у днища, торчат где-нибудь ракушки, приросшие в Южных морях», — мельком подумал Мальчик. Но ракушек не было. Были только рыжие проплешины да кольчики ржавчины вокруг заклепок.

Мальчик подплыл к ведру, ухватился за него, как за поплавок, и глянул вверх. На фоне яркого неба он увидел голову и широкие плечи моряка. Серебристо просвечивали волосы, а лица было не разглядеть. Голосом глуховатым, но сильным моряк спросил:

— Что сначала вытаскивать? Ведро или тебя?

— Ведро! — крикнул Мальчик. — Я плаваю! Давайте багор!

Он подгрел поближе и зацепил дужку за крюк. Ведро взмыло вверх. А через две секунды рядом с Мальчиком упал конец веревочного трапа: два каната и просмоленные рейки-перекладинки.

— Ну, подымайся, пловец.

И Мальчик стал подниматься.

Много раз он читал, как лихие матросы взлетают на борт по таким трапам. А оказалось, что это очень даже не просто. Трап гулял по воздуху, изгибался, и два раза Мальчик так стукнулся коленками о борт, что глаза застлала влажная пелена. Но все-таки он не остановился ни на секунду. Вскарabкался до верха, перевалился через планшир и встал мокрыми босыми ногами на палубу. Доски были очень сухими и теплыми от солнца.

Так впервые в жизни Мальчик поднялся на баркентину — прямо из воды, по штормовому трапу.

От смущения, вместо того, чтобы поздороваться, он неловко сказал:

— Ну, вот... все в порядке.

С одежды струйками бежала вода и темными ручейками растекалась по чистой, почти белой палубе. Мальчик переступил и с опаской посмотрел на свои мокрые следы. Потом виновато поднял глаза на моряка. Капли на ресницах играли солнечными брызгами и мешали смотреть. Мальчик поморгал, чтобы стряхнуть их, и взглянул снова.

Он стоял перед стариком. Старик был большой, с седыми кудрями и густой серебристой щетиной на лице. Лицо было широкое и морщинистое, а глаза светлые, как голубая вода.

Старик улыбнулся, и Мальчик понял, что бояться не надо.

— По-моему, ты немного мокрый, — сказал старик. — Что же ты не разделся, и в воду?

— Боялся, что без меня ведро поймаете, — признался Мальчик.

— Да, ведро... За ведро спасибо. Ну, разденься и обсушись.

Мальчик хотел сказать, что пустяки, что он обсохнет и так. Но тут же сообразил: пока одежда будет сушиться на солнышке, он может с полным правом быть здесь, на судне.

Он расстелил мокрую рубашку и шорты на широком планшире фальшборта, а Чипа посадил на голое плечо.

— Не свались смотри, — сказал он, а старику объяснил: — Это у меня товарищ. Он маленький, но зато говорящий.

Чип застеснялся, но все-таки подтвердил:

— Пр-равда.

— Чудеса, — сказал старик. Но сказал таким спокойным голосом, что сразу стало ясно: за свою длинную жизнь он видел чудеса похлеще.

Мальчик встал у борта и наконец широко оглянулся.

В первый миг палуба показалась ему широкой, как стадион, а мачты — бесконечными. Над палубой, в путанице трапов, поручней, канатов и блоков, поднимались белые надстройки. Синим стеклом и медью сверкали иллюминаторы. Но в этом блеске, в этом захватывающем душу переплетении такелажа и рангоута Мальчик сразу

увидел главное: коричневый отполированный штурвал и узкую колонку нактоуза.

— Можно, я пойду... посмотрю? — шепотом спросил он.

— Иди. Смотри,— сказал старик.— Смотри и трогай. Можно.

Мальчик медленно подошел к штурвалу.

«Бом-кливер и кливер поднять! Поставить оба марсе-ля! Шпиль пошел! Руль — два шлага под ветер!»

Он крутнул штурвал, и тот повернулся с неожиданной легкостью. Над палубой с криком пронеслись чайки. Словно приветствовали нового капитана.

Мальчик тихо отпустил штурвал. И подошел к мачте. Дерево ее было желтым и блестящим, как у скрипки. Оно было теплым.

Мальчик прижался к мачте плечом и щекой. Он услышал тихий и ровный гул. То ли ветер гудел в стенах и вантах, то ли в трюмах баркентины проснулось эхо прежних штормов...

Старик теплыми глазами смотрел на Мальчика. И наконец сказал:

— Когда я был такой же, я тоже первый раз пришел на парусник. И тоже слушал...

Мальчик оторвался от мачты и взглянул на моряка: неужели седой могучий старик был когда-то мальчишкой?

Старик, видимо, понял.

— О-о, это было давно,— сказал он с коротким смехом.— Тебе надо прожить шесть раз столько, сколько ты жил, чтобы прошло такое время.— Он подумал и тихо добавил: — Но это было...

Мальчику показалось, что старик слегка грустит. Из-за него. И, чтобы изменить разговор, он деловито спросил:

— А что, весь экипаж сошел на берег? Никого, кроме вас, не видно.

Старик усмехнулся:

— Капитан сошел на берег. А экипаж — вот он.— И хлопнул себя по груди.— Мы сейчас к ремонту готовимся, поэтому большой экипаж ни к чему.

Старика звали Альфред Мартинович. Он был родом из латышской рыбацкой деревни и всю жизнь провел в море. Полным именем его редко называли: во все времена и на

всех кораблях к нему обращались коротко и уважительно: «Мартыныч».

— Зови и ты меня так. Я привык,— сказал он Мальчику на прощанье.— И не забывай, в гости приходи.

Конечно, Мальчик пришел. На следующий же день.

На причале, недалеко от трапа, смуглый парень в разноцветных плавках обтесывал длинное бревно. Желтая щепка чиркнула Мальчика по ногам, и он ускорил шаг, чтобы еще не зацепило.

— Стой, пацан! — потребовал парень (а сам все махал топором).— Ты куда?

— Сюда,— Мальчик показал на трап.— На борт.

— Это зачем?

— Надо,— сдержанно сказал Мальчик. Он слегка рассердился. За щепку, ударившую по ногам, и вообще. «Размахивает топором, даже не смотрит. Да еще допрашивает. Кто он такой?»

— Неизвестно еще, надо тебе сюда или нет,— сказал парень и воткнул топор в бревно.— Ты к кому?

— К Мартынычу.

— А по какому делу?

У него был круглый мясистый нос и подозрительные глаза.

— У каждого свое дело,— с досадой сказал Мальчик.— Я ведь тебя не спрашиваю, каким делом ты здесь занимаешься...

— А я могу сказать. Столб ставлю, чтоб электричество на ящик протянуть, а то аккумуляторов не хватает. А вот что тебе нужно?

«Это он баркентину ящиком обзывает»,— подумал Мальчик. И не решил еще, что сказать, как парня окликнули:

— Рудик!

Окликнула девушка. Обыкновенная девушка с белой сумочкой. Она этой сумочкой нетерпеливо размахивала.

— Я уже давно готова, а ты...

Рудик повернулся к баркентине и завопил:

— Дед! Кинь из каюты мои манатки, я отчаливаю!

На борту появился Мартыныч. Улыбнулся Мальчику, а Рудику бросил сверток с одеждой. Рудик запрыгал, натягивая брюки.

— Тут к тебе какой-то салажонок просится,— ворчливо обратился он к Мартынычу.— Гляди, чтоб он не свинтил чего на судне.